
Елена ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН

ДЕРЕВЕНСКИЕ РАССКАЗЫ

БЕГЕМОТОВАЯ БЕЛОЧКА

Уже который час Федор, вообще никакой, бродил по осеннему лесу, лениво пиная желтые листья и наслаждаясь ароматом прения. Мужик, можно сказать, сбежал из дому. Натянул портки на залубенелые ноги, схватил фуфайку, снял с гвоздя в сарае ружьишко и отправился старыми тропами, чтоб жена не приставала со своим «наказанием нерадивого мужа»: вчера засиделся с друзьями за столом с бутылью самогона и сковороденью жареной картошки. Сидели до утра, спорили о том, что в фильмах как-то неправдиво показывают самогон, там он всегда мутный, а в реальности — он прозрачный, как слеза младенца, его ж для очистки по несколько раз перегоняют. Спорили и дегустировали. Спорили и дегустировали. А с утра Катька постоянно жужжала, мол, завязывать надо, а Федор огрызался: «Я еще и не начинал!»

В детстве он часто с отцом ходил в лес. Бывало, скажет отец: «Федька, а пойдем-ка с тобой в лесок, я тебе такие тайны покажу!» Мальчишка заворуженно слушал отца и верил. И действительно каждый камень, каждое деревце и даже каждая травинка делились с Федькой своим сокровенным.

Шу... Хрысь... Хры-ы-ысь... Федор остановился в березовой рощице и обернулся к бору, который начинался прямо за белоствольным стройным рядом. «Кабан, видать», — спокойно подумал мужик, даже не пытаясь снять ружье с плеча; ну и что, кабан, желуди шукает, пройдет мимо. Но не тут-то было: в березовую рощицу выплыл... бегемот. «Ёксель-моксель, — вскрикнул мужик. — Вот те на — допился!» Ну ладно б белочка, а тут целый бегемот в русской деревне, среди русских берез.

Встреча с Федькой озадачила бегемота, и он застыл, как истукан в степи. Мужик медленно развернулся и пошел, не оборачиваясь, чтоб эту невидаль вообще не видеть и не думать, что свихнулся на старости лет. Когда же он вышел к деревне, встретил своих вчерашних собутыльников. Обрадовался встрече с людьми.

Елена Алексеевна Шуваева-Петросян родилась в селе Большой Морец Волгоградской области, училась в Москве и Ереване, сейчас — аспирантка Литературного института им. Горького. Член Союза писателей Армении и Клуба писателей Кавказа. Лауреат Международного литературного конкурса «Мир без войны и насилия» (Польша, 2011, 2013). Лауреат журналистского конкурса «Мирное будущее Кавказа» (Россия, 2012). Дипломант XII Волошинского конкурса — второе место в номинации «журналистика» (2014). Участница Форума молодых писателей России и зарубежья (2009, 2011–2014). Координатор Фестиваля молодых писателей в Армении (Фонд СЭИП). Живет в Армении.

— Ты бегемота не видел? — набросились собутыльники на Федьку.

Глаза у Федьки округлились от удивления:

— Так вы тоже видели? Значит, не только меня накрыла бегемотовая белочка?

— Какая бегемотовая белочка? — забуянили мужики. — Поймаем бегемота — хорошие деньги дадут!

Тут Федор вообще растерялся, не понимая, в своем ли уме его друзья. А все дело было в цирке-шапито, который приехал в деревню: запили циркачи и бегемота потеряли, сбежал бегемот, а им без бегемота возвращаться нельзя.

В общем, бегемот по наводке Федора был отловлен. Долго смеялись циркачи, а потом рассказали другую историю, имевшую место в другой деревне. Выпустили они слона на прогулку, а тот в лес ушел. Другой Федька пошел с ружьишком поохотиться. Ну, тоже поутру не совсем трезвый. Видит, слон. А слон, приученный к общению с человеком, милый и дружелюбный слон видит Федьку и радостно направляется к нему. Федька бегом, слон — за ним! Так и бежал до самой деревни, не веря, что за ним бежит слон, а не нечисть какая-то. С тех пор — ни-ни в рот!

ОХОТА НА ТУМАНЫ

Охотилась на туманы. Оказалось, пять утра — это поздно для такого вида охоты. Туманы отступали быстрее, чем я к ним ехала. Мой старенький велосипед дребезжал на колдобинах, грозя развалиться. Туманы ушли через луга к реке и истаяли вмиг у подлеска. Желаемая фотография не получилась.

Ничего не оставалось, как засесть в кустах у реки и слушать утро. В паре километров от меня гремело село: петухами, коровами, козами, собаками, гусями... Было ощущение, что все вмиг решили заголосить на этом ковчеге, оставшемся на суше, когда отступило туманное море. А рядом — звенели коноплянки, взлетая и падая в рыжие в первых лучах солнца травы, то там, то тут раздавалось встревоженное криканье диких уток, дремавших в камышах.

Если долго смотреть на степь — тихую, замершую в утренней неге, то она становится похожей на море. Большое море, упирающееся в горизонт. В это же время на берегу моря сидел далекий и любимый человек, который в своей медитации водную стихию превращал в степь. И казалось, мы слышим один и тот же бриз, похожий на трепет души.

А потом... собирать на рассвете цикорий на лугах, набивая карманы едва проснувшимися сиреневыми цветками! Крутить скрипящие педали велосипеда, поднимаясь на песчаный бугор, и выехать прямо к стаду коров, с которым лихо управляется молодцеватый бодрый пастух; и тот не преминет отвесить приветствие с привкусом меда: «Откуда ты, степная фея?»; я навожу на него объектив фотоаппарата, он стесняется, я посылаю подбадривающее, мол, выглядишь как настоящий герой, шепотом добавляя: «Не моего романа», а мужик у палисадника пастуху кричит: «Ну усё, теперь тебя в районной газете напечатают». И, добравшись до дома, заварить чай из цикория, сидеть на скамейке с ароматной чашкой, попивая слегка горький цветок и отогревая в нежных лучах солнца заледеневшие от утренней росы ноги. Спит Дом, закрыв глазки-окошки ставеньками. А в Доме безмятежно спят дети. Только отец во дворе точит косу (моему уху так приятна эта мелодия!), чтобы поехать на луга: сенокос! Осознаю, что охота была не на туманы, а на моменты счастья.

О ВЕДЬМАЧКАХ

Много лет у нас по соседству жила Нюрка. Все говорили, что она ведьмачила. Странная женщина была. Неграмотная, но вечно совершала какие-то ритуалы. Казалось, что она родилась так давно, что уже сама не помнит этого дня. Постарели ее дети. Умер сын. Умер муж. А она все была в той же поре. Гладкая кожа. Глаза со злым прищуром. Многие ее обходили стороной. Когда я с ней сталкивалась, всегда шептала: «У меня семь сил, у тебя одна!» Она плевала мне вслед и шла дальше.

А однажды, сидя пополуночи на скамейке, я увидела, как через ее забор к окну нашего дома на ветру змеится платок. Там, за окном, спали мои дети. Тут я вскипела — думала, убью эту ведьмаку. Схватила камень и полезла через палисадник на фундамент дома около забора. Запустила камень, она взвизгнула, выдернула платок и убежала.

На следующий день, сидя в саду, я услышала, как Нюрка вместе с другой соседкой обсуждают меня: «Как эта ведьма Ленка приезжает, у меня скотдохнет!» А та ей вторит: «А у меня куры полегли!»

...Нюрку забрала к себе дочь, продав дом. Теперь у нас другой сосед. Прошел несколько войн. Весельчак. Балагур. Жить стало спокойнее... И скота у него нет — некому подышать от моих «чар»...

КИТАЕЦ САВУШКИН

Собралась я с детьми в райцентр. Вышла на трассу. Автобуса нет двадцать минут... тридцать минут... сорок минут... Дальше ждать уже не имело смысла, а ехать в Елань нужно. Дети за эти сорок минут уж всю остановку обковыряли, пытаясь выдрать разноцветные камушки из мозаики. Я тоже так делала в детстве. Решила я тормознуть попутку. Остановилась одна. Дети говорят мне, указывая на водителя:

— Мама, так это же китаец!!!

— Какой вам тут китаец?! — не соглашаюсь я с ними. — Наверно, татарин.

А они мне перечат:

— Ну, нет, это точно китаец! — хотя в жизни они не так уж много видели китайцев.

Садимся в машину, завязывается беседа. Водитель спрашивает меня:

— Ты местная? Как фамилия?

Я представляюсь. В свою очередь его спрашиваю:

— А вы в Вязовке живете?

Он ехал со стороны Вязовки, отсюда у меня и возник вопрос. Он мне:

— Нет, сейчас в Елани, а вот когда приехал из Китая в шестьдесят втором году...

Тут я восклицаю:

— Так вы китаец?!

Дети на заднем сиденье ликуют:

— Мы же тебе говорили! Мы же тебе говорили!

Китаец утвердительно отвечает и начинает рассказывать свою историю. Его мама — русская, родом из Краишева, поехала работать во Владивосток, где тяжело заболела тифом. Один китаец ее выходил и женился на ней. Переехали они в Китай, где и родился мой попутчик.

Я спрашиваю у него имя. Он представляется:

— Савушкин Сергей Леонидович.

Мое лицо вытягивается от удивления: китаец Савушкин!!!

А Савушкин объясняет:

— Это здесь я взял такое имя, а вообще-то меня зовут Чу Го Чин.

Тут я вспоминаю своего дедушку, который был начальником на железнодорожной станции. Чу Го Чин восклицает:

— Так ты его внучка?! Конечно, я его знал. Василий Егорович еще в 1962 году помог мне с работой.

Я спрашиваю китайца, где именно в Китае он родился, потому что через несколько дней я должна была полететь в Урумчи на книжную выставку. Заслышав название «Урумчи», он прослезился:

— Синьцзян — моя родина. Я родился рядом с Урумчи, в Чугучаке...

Некоторое время мы молчим, наверно, оба размышляя о том, что все в жизни не случайно. И эта наша встреча не случайна. Потом я его спрашиваю, может, что-то ему нужно из Китая. Он смотрит на меня удивленно некоторое время, потом говорит:

— Я так хочу китайскую губную гармошку... Простую деревянную губную гармошку... У меня в детстве была такая.

Когда я попала в Урумчи, поняла, что мне не удастся выполнить желание Чу Го Чина в полной мере: с друзьями и волонтерами мы объездили весь Урумчи в поисках губной гармошки. Время отъезда приближалось, а деревянную губную гармошку я так и не нашла. Очень нервничала. Заходила во все магазины и спрашивала, есть ли у них «коудин», то есть гармошка. Продавцы отрицательно покачивали головой. Наверно, китайцы уже не играют на губных гармошках. Наконец-то в одном магазине музыкальных инструментов я обнаружила этот «раритет», правда, не из дерева. Но зато из Урумчи. С родины. Купила три штуки, потому что мои дети, заслышав, что хочет китаец, тоже пожелали себе гармошку...

Так удивительно, что мой Китай начался с моей родной деревни... А в Елани китаец Савушкин отстроил китайскую баню...

КОЛБАСА ПАХНЕТ ЛУЧШЕ ХЛЕБА

Колбаса пахнет лучше хлеба. Это я узнала в лет шестнадцать, когда родственники познакомили меня с одним перспективным парнем, дабы обеспечить надежное будущее, а я решила отдать предпочтение другому. Ну, совсем никому, вернее, какому-то раздолбаю, как сказали те же родственники. А дело было так.

Отправили меня на лето к крестной в другое село. Естественно, эта весть сразу разнеслась по округу, мол, девчонка хорошая, высокая, красивая да и в том возрасте, когда уже можно ухаживать. Но меня сразу «пристроили», познакомив с восемнадцатилетним Сашкой. Парень работал на хлебном заводе. Хороший, скромный, симпатичный, ладный. За мной еще не ухаживали такие взрослые парни! Крестная и Сашкина мать, ее подруга, начали строить планы на будущее, уже дошли до общих внуков. Сидели мы с Сашкой на скамейке у ворот до двенадцати часов ночи, потом он доводил меня до крыльца и шел домой: в пять утра у него начиналась смена на хлебзаводе. А мне не спалось по ночам. Ну как можно спать ночью, когда тебе шестнадцать, в палисадниках цветут цветы, а луна светит, как ошалелая. В общем, Сашка доводил меня до крыльца, закрывал калитку, и как только затихали его

шаги, я возвращалась на скамейку, где могла просидеть одна до рассвета. Если бы в скором времени у меня не появился ночной собеседник — другой Сашка, который работал на колбасном заводе, и его смена заканчивалась в час ночи. Этому Сашке было вообще двадцать два года. Выглядел он, как мне казалось, немного старовато: весь в шрамах, переломанный, слегка хромающий. Он много курил и кашлял. Мало кто знал Сашку по имени, в основном по кличке — Узбек: его отец был русским, а мать узбечкой. Он был интересным собеседником, как мне казалось тогда. Рассказывал о взрослой жизни, дымя сигаретой и сплевывая, дарил мне цветы, обрывая школьные клумбы, когда шел с завода. И тоже строил какие-то планы на наше совместное будущее. В общем, колбасный Сашка начал мне нравиться больше хлебного. О чем я тут же сказала хлебному.

И все было бы хорошо, если бы не прознал про мою, так сказать, «левую» связь двоюродный брат Алешка — сын крестной, которому эта замена не пришлась по душе. И стал он по вечерам закрывать двери на все замки, чтобы я не выходила на улицу и не вечерничала на скамейке. Я ложилась спать вместе со всеми, а к часу тридцати пополудни вылезала через форточку (слава богу, с детства была ловкой и гибкой) и шла себе на скамейку. Не будь дураком, Алешка методом слежки прознал про мои ночные променады и устроил разборки. «Чё, колбаса пахнет лучше хлеба?! — зычно он спросил меня, однажды выйдя из-за угла дома, когда я возвращалась на рассвете. — Я тебя спрашиваю: лучше?! Поимей совесть, он же раздолбай!» — «Да, колбаса пахнет лучше хлеба!» — ответила дерзко я, о чем тут же пожалела. Тяжелый и рослый, несмотря на то, что на два года моложе, Алешка гонялся за мной по двору с прутом, пытаясь ударить по ногам и выкрикивая: «Ноги переломаю, доходишься у меня!»

В наказание меня депортировали домой. В Морец. Сашка-Узбек колбасный сам собрал мотоцикл — друзья помогли с деталями: у каждого во дворе лежал металл, из которого можно не только мотоцикл собрать, но и машину. И однажды приехал ко мне. Я вышла на скамейку. Он предложил мне самокрут с коноплей. Я зянула один раз. Конопля мне не понравилась. Сказала колбасному, что мне нужно учить уроки, и ушла.

Я никогда больше не выходила к Узбеку, сколько бы он ни стоял под окном. Потом он женился. Развелся. Снова женился. И снова развелся. Занялся строительным бизнесом, отгрохал огромный дом для себя, купил квартиру в городе и дорогую машину.

Несколько лет назад встретил Сашка колбасный мою крестную, вернее, подвез ее, когда она шла с тяжеленными сумками из продмага, поболтали о том о сем. И тут он ей говорит: «Если бы вы, тетя Таня, не разлучили нас тогда, жила бы Ленка как королевишна, и я бы был счастливым!»

«Ну да, колбаса пахнет лучше хлеба!» — пробурчала под нос крестная, захлопнув за собой калитку.

ПОГРЕБНЯК, НЕ ПОЗВОЛЬ ПРОКИСНУТЬ МОЕМУ СУПУ

Т-с-с-с... Сейчас расскажу на ночь глядя, как я с прекрасным Погребняком пообшались. Не, не с футболистом, а духом. Если люди покидают деревни в погоне за городским комфортом, то духи — никогда. У нас тут много всякой нежити обитает... Не люблю я после двенадцати часов ночи шастать по

двору. В бане в это время всегда баённый моется, или те, кто зацепился за земную жизнь, потеряв плоть, — именно для них мы оставляем обмылки. В закромах с зерном постоянно шуршит Дедко, уплетая за обе щеки запасы на зиму. Соломенный Ледаший доволен всегда: каждое лето папаня много сена заготавливает. Уже и скот весь перевели, а сено по привычке косит, сушит, переворачивает, сгребаёт и тащит в свой сеник. Ладно, что-то я отвлеклась от Погребняка. В общем, каждый день я варю супы в ведре — на ораву детей, которые зараз уплетают по несколько тарелок. Ведрень, конечно, в холодильник не умещается, приходится спускать в погреб. Наварила я сегодня супу на ночь глядя, пришлось в темноте хоть глаза выколи лезть под землю (хороший повод научиться пользоваться фонариком в сотовом телефоне!). Погреб у нас старый-старый, прадедовский, но такой ладненький, уютненький. Как тут не жить Погребняку?! Нашла я фонарик в телефоне и давай рассматривать все уголки. Сначала я высветила на ступеньке нечто черное шерстяное, сердце ухнуло. Это чудище оказалось куском бараньей шкуры, которую зимой накидывают на дверь, дабы прикрыть щели меж досок. Я даже вскрикнуть не позволила себе: на дворе, прямо у погреба, сбежав от жары в доме, спит отец.

С горем пополам спустилась, поставила ведрень, чувствую — кто-то мне платье сзади поднимает. Замерла. Это нечто тоже не шевелится. Наклоняюсь ниже, платье — выше, черт побери. Набралась духу, разворачиваюсь осторожно, а там железный кол из земли торчит, за него-то и зацепилась мое платье. Понятия не имею, для чего он... Сверху вот висит железный крюк — это знаю для чего: на него бабушка подвешивала мясо. А потом я карабкалась по ступенькам сломя голову. Уже дома подумала, все-таки у нас хороший Погребняк, раз мало страхов на меня нагнал. Не знаю, после того, что вы прочитали, придет к вам дух страшных историй на ночь Бачник или нет, но надеюсь, что ко мне не успеет: встаю в четыре часа, чтобы снова поохотиться на туманы.